

бе его рапорта о набеге на красные тылы Каппель сказал, что получил сообщение: «Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать 2 тысячами всадников».

Ф. Мейбом¹³⁰

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ¹³¹

Поправлялся я очень быстро и надеялся в скором времени выпасть из отряда снайперов и отправиться снова в свою боевую семью волжан, которые все еще продолжали стоять на отдыхе в процессе пополнения. Но увы! Обстоятельства сложились иначе, и я был надолго оторван от родных волжан.

Готовый к отъезду, я получил приказ явиться к начальнику гарнизона, он же начальник 13-й Сибирской стрелковой дивизии. В предписании, за подпись генерал-лейтенанта Зощенко, говорилось, что согласно приказу по армии все раненые и больные офицеры, находящиеся в госпитале города Ново-Николаевска, по выздоровлении зачисляются во вновь формирующуюся 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию¹³². Это меня совсем не устраивало. Началась переписка, в результате которой я получил письмо от генерала Сахарова¹³³, который просил меня смириться с мыслью разъединения с родной частью и помочь всеми силами скорейшему формированию новой дивизии и писал, что он уверен, зная меня, что я сумею привить новым бойцам доблестные заветы волжских героев — это так необходимо и важно для нашего общего дела. После такого письма что можно сделать? Надо явиться к начальнику дивизии генерал-лейтенанту Зощенко¹³⁴. Представившись, получаю приказ явиться в распоряжение командира 49-го Сибирского стрелкового полка, полковника Моисеева. Добравшись до деревушки, где был расположен штаб полка, я представился полковнику Моисееву, и он пригласил меня в офицерское собрание на обед, где и представил меня всем господам офицерам. Я был поражен, что все офицеры были одеты в английские мундиры с русскими погонами и орденами, но выглядели браво.

После обеда полковник Моисеев пригласил меня в свой кабинет, подробно расспросил меня о моей прошлой службе и попросил написать временный краткий послужной список. Бланки для послужного списка были готовы, и я быстро их заполнил. После этого полковник пригласил меня поехать с ним на пролетке посмотреть на тактические занятия полка. Я был окончательно поражен тем зреали-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

щем, которое открылось моим глазам. Все громадное поле было покрыто густыми цепями перебегающих фигурок. Обращаюсь к полковнику и спрашиваю: «Сколько же штыков в полку?» Полковник, дымя своей трубкой, сквозь зубы промычал: «3800 штыков!» Я чуть не подскочил. Боже мой! Ведь это почти вся наша Волжская армия, а тут лишь только один полк!!!

Прошло некоторое время, и я был временно прикомандирован к штабу полка без назначения на должность, что меня тяготило и волновало, но спрашивать об этом я не хотел. Решил, что если командир полка задумал сделать из меня офицера для поручений, то я, конечно, не соглашусь, а переберусь в свою часть. Пусть думают, что хотят, но я строевой офицер, имеющий боевой опыт Гражданской войны, и мне не место сидеть за столом. Покорно благодарю... не могу.

Прошло некоторое время, я все еще был не у дел, очень этим тяготился и уже было решил переговорить об этом с командиром полка, как вдруг был вызван в штаб полка. Полковник Моисеев предложил мне сесть и сказал:

— Капитан, вы, наверное, были в недоумении, почему я не назначил вас сразу по прибытии на командную должность? Дело в том, что ежемесячно от нас, то есть от всей дивизии, краткие послужные списки отправляются в город Омск, где они проверяются в отделе производства и по «Военному Инвалиду». Только сегодня я получил подтверждение вашего послужного списка. Что же это вы, капитан, не указали ваши боевые награды? Вы, я вижу, имеете их достаточно, включая и Владимира 4-й степени с бантом и мечами.

Я извинился, что, мол, заполняя послужной список, торопился и пропустил эту графу.

— Кроме того, вы были в чине капитана и командовали батальоном; таким образом, вы можете подать прошение о производстве в подполковники.

На это я ответил, что все чины я получил по Императорскому приказу, поэтому я воздержусь от подачи прошения до тех пор, пока мы не раздавим красную нечисть, а тогда сможем думать о себе.

Полковник Моисеев улыбнулся, предложил мне папирус и продолжал:

— За месяц до вашего приезда у меня произошла большая неприятность. Мне был прислан штабс-капитан Гаврилов, с Георгиевским оружием и с Владимиром 4-й степени. В тот момент мне нужен был командир батальона, и я назначил его временно исполняющим обязанности командира 1-го батальона. На этих днях я получил полный

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

рапорт о нем. Оказывается, этот штабс-капитан в Чугуевском военном училище никогда не был и, конечно, он не офицер. Я вызвал его к себе в канцелярию и просил его честно и открыто признаться, кто он такой. Он пробовал оправдываться, но затем со слезами на глазах признался, что он вольноопределяющийся Н инженерного батальона. Не желая поднимать шумихи, я приказал ему тут же снять погоны и награды и, не заходя даже за вешками в батальон, отправиться в Ново-Николаевск. Теперь, капитан, вам понятна моя осторожность? Вас я назначаю командиром 1-го батальона, примите его завтра, а я дам приказ, чтобы батальон утром был выстроен в полном составе. Желаю вам успеха. Да, еще один вопрос: имеете ли вы при себе орден Владимира 4-й степени?

Я ответил, что нет, все осталось дома. Полковник Моисеев, встав, подошел ко мне и приколол орден мне на грудь, сказав:

— Видите, он нашел офицера, достойного носить его!

Я не спал всю ночь в ожидании приема батальона. Встал очень рано, пошел на кухню офицерского собрания, где выпил чашку чаю с хлебом и поболтал с поваром, пока не наступило время идти к батальону.

Выстроенный батальон произвел на меня очень хорошее впечатление. Все в английском обмундировании с зелеными погонами с белым кантом. Батальон построен поротно — три строевые роты и одна смешанная (сводная) — пулеметная команда, телефонисты, саперы.

По команде «На караул» батальон замер, и поручик, временно замещавший командира батальона, четко подошел ко мне с рапортом. Я спокойно выслушал его, прошел на середину батальона и поздоровался с ним: «Здорово, сибирские стрелки!» Получил четкий ответ тысячи голосов: «Здравия желаем, г-н капитан!» Затем была подана команда «Стоять вольно», я пошел по ротам знакомиться с г. г. офицерами, фельдфебелем и унтер-офицерами. Дойдя до пулеметной команды, я искренне рассмеялся. В ней были исключительно татары — вот так сибирские стрелки! Но я был очень рад видеть их тут. Большинство из них было из Уфы, но было несколько человек и казанских татар, которые узнали меня, и их мордочки расплылись в улыбку. Спросил, как они попали сюда. Ответ — были ранены, после выздоровления зачислены в полк. Рад иметь их — они надежные бойцы.

Батальон отправился на полевые занятия, а я пошел в канцелярию, где меня встретил адъютант — молодой поручик Ямшинецкий, с которым мы пошли осматривать помещения солдат, а также и кухни, которые уже дымились вовсю, готовя обед. Везде чистота и порядок.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

В пулеметной команде было всего три пулемета системы «Колт». Я сказал адъютанту, чтобы он составил рапорт, указав, что нам нужно еще пять пулеметов — желательно «максим».

По окончании осмотра, которым я остался очень доволен, я написал рапорт командиру полка о том, что с этого числа, месяца и года я принял в командование 1-й батальон вверенного ему полка. Так и прошел мой первый день, и, проголодавшись, я пошел в офицерское собрание, чтобы подкрепиться. Придя туда, увидел командира полка, который подошел ко мне, взял меня за локоть и повел к бывшим уже там командром батальонов и другим офицерам.

Большой стол с холодными и горячими закусками, а в буфете можно было получить и напитки, включая даже и коньяк, хотя по тому времени это было уже роскошью. Дежурный офицер командаeт: «Господа офицеры! — Все сразу смолкло. — Наш командр полка просит вас присоединиться к его тосту». Полковник обращается к собравшимся:

— Господа офицеры, я поднимаю бокал за наш полк и считаю за счастье иметь в нашей семье боевого, заслуженного офицера, который с 1918 года находился в боях с красными, командая различными частями, включая и офицерскую роту в 300 штыков. Да здравствует наш 49-й Сибирский стрелковый полк! Ура!!!

Я был немного смущен таким приемом. Если бы это было на официальном обеде, это было бы понятно, а так, во время закуски... но все же такой прием приятен каждому. Офицеры подходили, пожимали мне руку. Мне очень понравился командр 2-го батальона капитан Васильев. Мы как-то сразу подружились.

Наш полк был размещен в деревне Берск. Красивая деревня, состоявшая из зажиточных сибирских крестьян. Полк был сформирован из мобилизованных молодых сибиряков. Выглядели они все молодцами, но, так как они были мобилизованные, я им особо не доверял. Полк выглядел как кадровая часть нашей Императорской армии. Чувствовалась твердая рука командаeра полка. После борьбы на Волжском фронте в малочисленных рядах кappелевцев, глядя на эту грозную силу, казалось, что совершилось какое-то чудо.

После принятия батальона я убедился, что обучение полка ведется неправильно. Все внимание обращено на строевые занятия и прохождение отдачи чести и церемониальное марширование. Первоначально я было хотел пойти к командаeру полка и поговорить с ним о том, что все, что сейчас проходят солдаты, совершенно не нужно в настоящее время, но... по своей личной инициативе решил начать обучать батальон, готовя его к боям Гражданской войны. Собрав всех

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

офицеров батальона, сообщил им, что с настоящего момента они должны обращать очень мало внимания на маршировку, а уделить все внимание на стрельбу, владение штыком и т. п., то есть на то, что применимо в Гражданской войне. Тут же я назначил штабс-капитана Васильева командиром 1-й роты и моим прямым заместителем. К сожалению, из всего состава батальона только я один был с опытом Гражданской войны, остальные офицеры прошли почти всю Германскую кампанию и прибыли в полк по... мобилизации.

Вскоре я получил маленькую квартирку и совместно с моим денщиком перекочевал туда. У входа в наш дом я столкнулся с дивной красоты женщиной. Я остановился и отдал ей честь. Она мило улыбнулась и сказала:

— Так вы тот офицер, который будет моим соседом? Очень рада с вами познакомиться. Я зубной врач и лечу всех вас, офицеров и солдат 49-го полка. — Лукаво посмотрев на меня, добавила: — Если у вас будут болеть зубы... то заходите ко мне, милости прошу, меня зовут Надежда Васильевна Луцкова.

Я тотчас же отрекомендовался, и мы разошлись. Приведя в порядок комнаты, побрился, надел китель и был готов идти в офицерское собрание, но... мысли мои были с Надеждой Васильевной. Выйдя из дома, решил перед собранием заглянуть к ней. Постучал в дверь, которую открыла сама хозяйка. Она с милой улыбкой попросила войти и смеясь спросила:

— Ну, господин капитан, заболели зубы?

Я также рассмеялся, и мы начали знакомиться. Она из Симбирска, где при отступлении армии генерала Каппеля она потеряла своего супруга (он был коммерсант). Вспомнив, что мне надо идти на обед, я поделовал ее прелестные ручки и торопясь пошел на собрание.

Мои мысли были серьезно сосредоточены на благосостоянии батальона. Я видел, что все, что творится в полку, ни к чему хорошему не приведет. Господа офицеры совершенно не интересовались своими солдатами, и те и другие вели отдельный, отчужденный образ жизни. Господа офицеры после занятий все свое свободное время проводят в собрании, солдаты в своих казармах. Учтя все это, на следующем собрании офицеров батальона я заявил им, что попойки в собрании кончены и я требую от них быть ближе к солдату, что после обеда в собрании они снова должны идти в свои части и проводить беседы со стрелками — это залог успеха в боевом деле.

Батальон пошел на стрельбище. Увидев их стрельбу, я пришел в ужас. Я приказал немедленно перевести все роты на наводку со станка, рассыпной строй, удар штыком. Я считал, что это является самым

основным и главным обучением. Как-то командир полка пришел на наше учение. Посмотрев на занимавшихся солдат, подойдя ко мне, поблагодарил и ушел на смотр других батальонов. Я же продолжал с большим напряжением учение батальона, хотя и знал, что г. г. офицеры «скулили», но возражать не могли, так как знали, что я прав. И так каждый день с утра и до вечера я проводил с батальоном учения. Один раз в неделю проводил тактические занятия, деля батальон на две части — одна часть в обороне, другая в наступлении. Эти занятия были более продолжительными, поэтому еду нам доставляли наши ротные кухни. Таким образом, находясь все время вместе, во время отдыха курили и болтали вместе со стрелками, стало появляться чувство сплоченности, братства, — мы стали чувствовать, что принадлежим к одной семье.

Будучи постоянно занят с батальоном, я бывал редко в собрании; если имел свободную минутку, проводил ее у Надежды Васильевны. Она была не только красивой женщиной, но была также воплощением доброты, культурности, и беседовать с нею было очень интересно. Наши встречи привели к тому, что я почувствовал своим юношеским сердцем, что я ее люблю, также я был уверен, что и она имеет такие же чувства ко мне.

Как-то ночью ко мне явился дежурный офицер батальона и доложил, что в 3-й роте не все благополучно, что во время обхода ротного помешания он был освистан и даже в него бросили какие-то грязные тряпки с верхних нар. Шел второй час ночи. Я приказал командиру роты выстроить таковую, после чего, подойдя к роте, приказал выдать зачинщиков этого безобразия, но... ответа не получил и приказал держать роту в строю до тех пор, пока не будут выданы зачинщики. Ротаостояла в строю до 5 часов утра, но никого не выдала. Это было для меня сигналом тревоги. Это значило, что в наши ряды проникли провокаторы. Нужно было немедленно принять меры для их разоблачения, иначе вся работа, проведенная мною с людьми, пропадет зря. Вызвав командиров рот, я предупредил их, что среди стрелков затесались провокаторы, которых нужно поймать и выбросить из рядов стрелков. Предложил им найти верных, преданных солдат и внедрить их в массу наших стрелков. Командир 1-й роты штабс-капитан Васильев первый отозвался на этот призыв и заявил, что у него есть такие стрелки. Другие командиры рот не особенно охотно согласились, говоря: «Попробуем»... и т. п. Это меня взорвало, и я заявил им:

— Я вас вызвал сюда не для того, чтобы вы «пробовали», а для того, чтобы это было исполнено, в особенности это относится к командиру

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

3-й роты, где провокаторы уже проявили себя. Сегодня они бросили в дежурного офицера грязные тряпки, завтра бросят ручную гранату!

Командиры рот извинились и обещали все выполнить. Через несколько дней командир 1-й роты штабс-капитан Васильев доложил мне, что у него в роте поймали троих, четвертый же был крестьянин близлежащего села, исполнявший обязанности связного между стрелками-провокаторами и красными начальниками, присылавшими директивы действий. Их отправили в Ново-Николаевск в распоряжение контрразведки. Что стало с ними, не знаю, но надеюсь, что их всех ликвидировали. Через пару дней поймали двоих в 3-й роте, их также отправили в контрразведку. После этой отправки настала тишина. Все вошло в свою колею, и батальон теперь выглядел настолько хорошо — и не только с точки зрения строевой, — что он был готов идти в бой в любое время, что вскоре и случилось.

Командир полка вызывал всех г. г. офицеров в офицерское собрание, где он поднял бокал за здравие адмирала Колчака и поздравил нас со скорым выступлением на фронт. Помимо этого, он сообщил нам печальную новость, что красные прорвали наш фронт, наша армия отступает и мы пойдем ей на поддержку. После этого начались тосты за победу и т. п., я тихонько вышел и пошел навестить и известить Надежду Васильевну, что в скором времени мы идем на фронт. Долго мы с ней сидели, говорили и думали. Ведь впереди — только неизвестность. Когда мы сможем опять встретиться и встретимся ли? Она тихонько плакала и говорила: «Какой ужас, я потеряла супруга, а теперь теряю большого друга» Она решила немедля переехать в Ново-Николаевск и сообщить мне адрес, где я мог бы связаться с ней, если представится возможность. На этом мы расстались.

Началась подготовка к посадке в эшелоны. Последний раз я повел свой батальон на стрельбище. Стрельба прошла великолепно, пулеметчики же особо отличились — были лучше всех по меткости.

Настал день выступления. Полк выстроили поротно. Помощник командира полка подполковник Ладыгин скомандовал: «Полк! Смирно! Равнение направо! Слушай на караул!» Оркестр грянул Преображенский марш, и командир полка с адъютантом начали обход полка. Все командиры батальонов и их адъютанты стояли на фронте своих батальонов. Картина незабываемая. Командир полка здоровался с каждым батальоном в отдельности. После обхода батальон свернулся и поротно двинулся в поход на Ново-Николаевск. Всю дорогу гремел оркестр. Шествие замыкали наш разведческий эскадрон и четыре орудия нашего полка — наша артиллерия. По прибытии в Ново-Николаевск началась посадка в эшелоны. Поданный состав

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

поразил меня. Вагоны были красиво разукрашены елью, а посередине состава был большой портрет нашего адмирала Колчака.

Получив разрешение отлучиться, я пошел к Надежде Васильевне, которая встретила меня поцелуем и усадила в кресло... Я умолял ее в срочном порядке уехать в город Владивосток, пока еще есть возможность, и если на то будет Божье благословение и мы оба будем живы, то там мы встретимся, предстанем перед святым Алтарем и с тех пор будем муж и жена. Настало время разлуки, нужно было возвращаться в батальон. Мы крепко обнялись, и перед выходом она меня перекрестила и сказала: «Храни тебя Господь, мой любимый!»

Прошел день, полный забот о батальоне. Я знал, что командир полка любит выпить, но не мог представить себе его пьяным, еле стоящим на ногах. Каждые два часа он вызывал нас — командиров батальонов и командиров рот — в свой вагон-салон, где пили водку, виски, шампанское и т. п. Беспрерывные тосты за нашу победу и победу адмирала Колчака. После нескольких таких вызовов я увидел, что некоторые командиры злоупотребляют выпивкой, поэтому приказал командирам рот меньше пить и сказал, что если замечу кого-нибудь пьяным, то таковой командир моментально будет снят с занимаемого поста.

Пришел приказ, что наша дивизия будет иметь остановку в Омске на 24 часа. За это время адмирал Колчак произведет нам смотр, конечно, мы пройдем церемониальным маршем. Прибыв в Омск, наш эшелон стал на запасный путь, так как мы были головным эшелоном 49-го Сибирского стрелкового полка и должны были ожидать прихода остальных полков нашей дивизии.

Наутро наш полк первым пришел к намеченному месту смотра. Для каждого полка места были отмечены флагами. Вскорости пришли и остальные части. С военной точки зрения — зрелище было неописуемой красоты. Наконец настал момент, когда к нам начала приближаться кавалькада во главе с адмиралом Колчаком. Раздалась команда — и 30 тысяч штыков замерли, только наши знамена слегка шевелил ветер. Сводный оркестр трех полков грянул Преображенский встречный марш. Снова раздалась команда командиров полков, и к нам приблизилась конная группа, возглавляемая адмиралом Колчаком. Объехав полки, здороваясь с каждым полком в отдельности, адмирал со своей свитой занял открытую высокую площадку, и дивизия была готова к церемониальному маршру. Наш 49-й полк шел свободным отчетливым шагом, и, не доходя до адмирала, по команде командира полка, весь полк, как один человек, положил винтовки «на руку» и, повернув головы налево, прошел стройно перед нашим Верховным Правителем. Он благодарил нас за службу и получил от-

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

четливый ответ: «Рады стараться, Ваше Высокопревосходительство» В приказе по армии адмирал восхищался нашим полком и писал, что 49-й Сибирский стрелковый полк напомнил ему славных преображенцев. Мы торжествовали, что сумели затмить наших соседей — 50-й и 51-й полки. После парада все офицеры были приглашены в гарнизонное собрание на обед, на котором должен был присутствовать и адмирал Колчак. Как обычно, тосты следовали один за другим. Пили за все и за всех — и за адмирала, и за командиров полков, батальонов, рот и т. д. Я чувствовал, что «сильно устал», незамеченным вышел из собрания и по шпалам направился к своему батальону.

Пересекая пути, я подошел к нашему составу, к вагону, где была размещена 3-я рота. Подойдя ближе к вагону, я услышал не говорящий, а кричащий голос. Подойдя вплотную к открытой двери вагона, я мог видеть все происходящее в середине, а также и слышать. Какой-то тип в грязной солдатской шинели доказывал моим стрелкам, что их везут бороться против их же братьев, которые борются для их же пользы, за счастливое будущее без эксплуататоров и т. п. Когда, мол, вас привезут на фронт и поведут в бой, бросайте винтовки и переходите к нам. Весь рабочий люд на нашей стороне!..

Я внезапно вошел в теплушку — стрелки встали, но я сказал им: «Садитесь, побеседуем». Обращаясь к оратору, я спросил его:

— Где же у тебя правда? Ты говоришь, что все рабочие на стороне красных. Интересно, почему же в настоящее время 100 тысяч рабочих Ижевского и Воткинского заводов борются против красных?! Борются они за настоящую свободу, а не за иго коммунистическое!

Я продолжал еще некоторое время в том же духе. Стрелки с изумлением смотрели на меня, а затем начали издеваться над агитатором: «Нашелся «оратель», а нашему капитану и ответить не может. Что, небось крыть нечем? Матка-правда глаза колет?» и т. д.

Вызвав дежурного офицера по батальону, приказал ему арестовать «орателя» и доставить в штаб полка, если же попытается бежать — стрелять. Немного еще поговорив со стрелками после увода «гостя», я пошел к себе в вагон и быстро уснул. Не знаю, сколько времени прошло — час, полчаса? — но меня разбудил дежурный офицер батальона и доложил, что арестованный пытался бежать и его пришлось застрелить... Сквозь дрему я улыбнулся, сказал поручику «спокойной ночи» и, повернувшись на другой бок, мгновенно уснул.

Наш эшелон шел очень медленно, часто останавливался. Наконец наши эшелоны остановились в поле. Приказ из вагонов не выходить, только г. г. офицерам — командирам батальонов — срочно явиться к командиру полка. Он пригласил нас сесть к столу, на котором была

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

разложена карта. Указав на карту, командир сказал: «Мы здесь, а идти должны сюда (названия леса не помню). Расстояние довольно遠ное. Нам предстояло пройти, судя по карте, 40 верст (26 американских миль).

49-й Сибирский полк 13-й дивизии высадился. Построились, и я с батальоном по команде: «Вольно, винтовки на ремень» — двинулся за проводником. Вот где выявилась большая ошибка незнания «марша» Гражданской войны. Проклятые английские ботинки — они растерли стрелкам ноги так, что, пройдя не более 15 верст, я потерял очень много стрелков, которые совершенно не в состоянии были идти — подбились. Вызвал штабс-капитана Васильева и попросил его, взяв с собой дюжину стрелков, пройти в близлежащее село, находившееся приблизительно в 2 верстах от нас, и мобилизовать столько подвод, сколько будет возможно. Доложил командиру полка, что четверть состава моего батальона подбились, что так продвигаться далее невозможно и что я послал в близлежащее село за подводами и советую то же сделать и остальным батальонам. Командир полка как-то странно посмотрел на меня и сказал:

— Что ж, пехота на подводах будет маршировать?

Я ответил:

— Так точно, господин полковник, это самый правильный способ передвижения в Гражданскую войну!

В этот момент подъехала колонна подвод, и мои стрелки начали рассаживаться. Полковник рассмеялся и сказал:

— Это что-то новое для меня! Ну что ж, прикажу и остальным батальонам сделать то же самое. Кажется, вы правы!

Подобрав всех отставших, быстро покатали к месту назначения. Стрелки повеселились. Начались шутки, песни. Стрелки прибыли к назначенному месту свежими. Остановились в лесу. Впереди была уже слышна пулеметная и винтовочная стрельба — там был фронт. Все как-то сразу притихли. Подъехали наши полевые кухни и накормили нас горячими щами с мясом и черным хлебом.

Получили приказ от каждого батальона выслать офицерскую заславу на опушку леса, а командирам батальонов явиться к командиру полка. Командир полка подробно объяснил нам нашу боевую задачу, указал месторасположение противника и сказал, что на рассвете мы пойдем в наступление. Хотя каждый батальон получил свою определенную боевую задачу, но первый удар должен был быть дан всем полком одновременно.

Утром, развернув полк в боевой порядок (полк, как на параде, равнял свои цепи), с развернутым полковым знаменем, с оркестром

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

впереди полка — командир полка с обнаженной шашкой повел полк в атаку. Картина грозная, внушительная и изумительная! Красные не выдержали и, не приняв боя, начали отступать. В этом бою я даже не развернул весь свой батальон, а ограничился одной 3-й ротой.

Получили приказ остановиться и ждать диспозиции, которую мы и получили на рассвете следующего дня. Нашему полку приказано атаковать деревню Ушланку с обхватом обоих флангов противника, а 50-му и 51-му полкам — атаковать деревню Озерную, расположенную между двух озер.

Наш полк очень быстро вошел в огневую связь с красными. На сей раз они оказывали упорное сопротивление. Моя боевая задача — взять Ушланку. На подступах к деревне местность была покрыта мелким кустарником. Слева от меня наступал 3-й, а справа 2-й батальон нашего полка. Прорыв между батальонами был довольно большой, поэтому связь поддерживалась конной разведкой. Я же с 1-й ротой стоял на правом фланге нашего батальона. Мне ясно была слышна артиллерийская стрельба, но по звуку довольно далеко от нас. Я был уверен, что это наши два полка ведут бой за обладание деревней Озерной.

Получив донесение от моих обходных рот, что они уже заняли позиции справа и слева от деревни, я решительным наступлением, одновременно со всех сторон ворвался в деревню. Повсюду слышится наше «Ура». Деревня занята. Масса пленных, и все они кричат: «Мы мобилизованы!» В этом бою я потерял командира 2-й роты штабс-капитана Хвостова — убит. Штабс-капитан Волошин тяжело ранен. Оба храбрые и толковые офицера, мне было очень тяжело потерять их. Связь с соседними батальонами и штабом полка прекратилась.

Занял позицию за деревней и выслал конную разведку, чтобы они нашли штаб полка, который был расположен на мельнице, и остальные батальоны связались бы с ними. Через некоторое время разведка вернулась из-за сильного обстрела и сообщила, что проехать они не смогли — везде красные. Значит, мы окружены. Оцениваю сложившуюся обстановку. Что делать с пленными? Комиссаров пленные выдали сразу без всякого принуждения. Приказал их расстрелять. Остальным пленным предложил:

— Вступайте в наши ряды и защищайте свою родину от красной гадины или расходитесь по домам!

Триста человек решили примкнуть к нам, остальные разбрелись по близлежащим деревням, то есть по своим родным местам.

Мы окружены — нам нужно пробиться в тыл, к исходному месту. Решаю действовать немедленно. Деревню оставляем и с авангардом и арьергардом начинаем наш отход по старой дороге к мельнице.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

В пути мы неожиданно натолкнулись на два орудия, с двумя офицерами и полной прислугой. Была обоюдная радость. Для нас — большое подкрепление огневой силой, для них — моральная поддержка большого количества товарищей по оружию.

В авангарде 1-я рота вошла в огневую связь с красными, занявшими позицию у мельницы. Промедление в продвижении подобно смерти, поэтому я послал 3-ю роту на помощь 1-й с приказом очистить путь к мельнице, а командира орудий попросил открыть огонь по мельнице. Быстрым натиском и штыком красные были отброшены, и путь для нас был открыт. Батальон по-прежнему имел хороший боевой вид. Пленных, взятых в деревне, я распределил по ротам.

Пройдя 15—20 верст, я решил сделать остановку. Слава Богу, кухни были с нами. И только на привале я смог поговорить с капитаном артиллерии, который вкратце рассказал мне, что произошло. Оказывается, что 2-й и 3-й батальоны, за исключением малого количества стрелков, перешли на сторону красных. Штаб полка, не предупредив меня, ушел в тыл. 50-й и 51-й полки нашей дивизии были в боях с красными, но потом большинство перешло на сторону красных. Итак, свежая 13-я Сибирская дивизия, на которую возлагалась такая большая надежда, в течение 7—8 дней кончила свое существование. Остался мой батальон, который за это время не уменьшился, а, наоборот, пополнился за счет бывших красных.

Чем можно объяснить эту ужасную трагедию? Плохой командный состав? Нет, этого не было. В дивизии велась колоссальная подпольная агитация. К моему счастью, в моем батальоне этого не получилось, я сумел вовремя изъять агитаторов, а затем в каждой роте и в каждом взводе были преданные стрелки, смотревшие за всем происходившим и при малейшем подозрении сообщавшие мне, что происходит. Это и спасло мой батальон. По этому поводу я несколько раз беседовал с командиром полка и другими командирами батальонов, но они на мои предупреждения не реагировали. Вот это-то и было причиной гибели 13-й Сибирской дивизии.

Мой батальон в количестве 1200 штыков вышел к расположению Уфимской дивизии, где мне в конце концов удалось по телефону связаться с начальником дивизии генерал-лейтенантом Зощенко. Старик был очень рад, что мне удалось выйти из окружения и сохранить мой батальон. Получил от него приказ идти на соединение с остатками 50-го и 51-го полков. Эти «полки», если их так можно назвать, произвели на меня отвратительное впечатление. Из двух полков осталось не более 400 штыков. Все они были какие-то мрачные, со злобным выражением лица. Я боялся, что они испортят моих стрелков, поэто-

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

му получил от начальника дивизии разрешение остановиться в 2—3 верстах от них.

Генерал-лейтенант Зощенко вызвал меня к себе, поблагодарил за отличную боевую работу и приказал мне развернуть батальон в полк, влив в него остатки 50-го и 51-го полков. Я просил генерал-лейтенанта Зощенко разрешения сделать полк 2-батальонным, но он приказал формировать полк обычным, 3-батальонным. Разбив полк на три батальона, я рассчитывал на возможность пополнения. Немедленно распределил по ротам моих «тайных осведомителей» и в течение одной недели выловил 10 провокаторов, также подтянул полк в дисциплинированном отношении. Выступил с полком на фронт. Полк драхся отлично и за взятие «Темляка» заслужил особую благодарность по армии. За этот бой я опять был представлен к Георгиевскому оружию, но началось наше полное отступление, а с ним было забыто и мое представление. Мои офицеры старались убедить меня, что я имею полное право на ношение Георгиевского оружия, но я остался при своем мнении: «Приказа о награждении не получил, значит, не имею права и носить таковое!»

Бой за взятие «Темляка» был очень серьезным. Красные защищали его упорно. 2-й и 3-й батальоны наступали во фронт, я же, взяв 1-й батальон, зашел в тыл красных. Этого они никак не ожидали. Моя атака была настолько стремительной, что установленные на окраине деревни шесть орудий красных не успели сделать ни одного выстрела. Мои потери были незначительны. Мы захватили целиком санитарный обоз с шестью сестрами милосердия и двумя докторами, а также около 800 человек взяли в плен. Мост был взорван, поэтому красные бросили все свое имущество, как то: штаб 321-й советской дивизии, кухни и т. п. После боя я запросил штаб дивизии, что делать с пленными. Они все мобилизованные. Получил приказ — распустить их всех по домам. Выстроив пленных, поздравил их, что мною получен приказ распустить их по домам, а кто хочет вступить в наши ряды, пусть выйдет на пять шагов вперед. Я был очень удивлен, когда большая часть пленных вышла на пять шагов вперед. Подсчитал добровольцев — оказалось 500 человек. Опять мой полк пополнился!

Получил сообщение, что справа от нас Сибирская казачья бригада оставила фронт, не предупредив нас. Срочно сообщил генерал-лейтенанту Зощенко и просил дать указания, как мне поступить при создавшемся положении. Получил ответ: «Вам на месте виднее!» Я чувствовал, что в тылу происходит что-то неладное. Оказалось, что красные прорвали наш фронт и наша армия в беспорядке отступает. Связь прекратилась не только с флангами, но и с тылом. Собрав ко-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

мандиров батальонов, я объяснил им создавшееся положение, и мы начали отступление вслепую. В конце концов мне удалось связаться с командиром Воткинской дивизии, Генерального штаба полковником фон Вахом, к которому я и вошел в подчинение, по моему личному желанию. Союзники наши оказались предателям. Наша армия отходила в глубь Сибири. Пал Омск...

Ф. Мейбом

ГИБЕЛЬ 13-Й СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В БОЯХ ПОД ГОРОДОМ ЧЕЛЯБИНСКОМ В 1919 ГОДУ¹³⁵

Прошло больше пятидесяти лет с момента гибели 13-й Сибирской стрелковой дивизии, но до сих пор мне не пришлось читать в наших военных изданиях что-либо об этой трагедии. Я решил, что мой долг офицера, который состоял с самого начала формирования в дивизии, осветить ее кругозором строевого офицера, командира батальона. Конечно, кругозор очень ограниченный, мои воспоминания сосредоточиваются на моем батальоне, а потом полке. Пишу я по воспоминаниям давно, давно прошедших событий. Старость не радость... а потому прошу моих читателей отнестись к моим неточностям снисходительно.

Трагедия 13-й дивизии в боевой операции города Челябинска была не только ее трагедией, но и трагедией многих других частей. Разница заключалась в том, что другие наши части потеряли много из своего состава и потеряли сражение, что очень сильно отзывалось на нашей будущей возможности вырвать инициативу из рук красных, а 13-я дивизия позорно перешла к красным почти на 80 процентов своего состава. Причины к этому я опишу позднее.

Дивизия была полностью составлена из молодых сибиряков, по мобилизации, — и это самая главная причина. Вторая — все полки были поставлены на учение старого времени, масса маршировок, очень много парадов и полное невнимание к стрелкам со стороны г.г. офицеров. Третье: начиная с начальника дивизии и кончая командирами полков, а также и строевое офицерство не были совершенно знакомы с приемами тактики Гражданской войны. В нашем полку, к моему удивлению, со стажем одного года Гражданской войны был только я и больше никого. Четвертое: наш командир полка был под влиянием Омска, что наша дивизия будет гвардейской и на фронт пойдет только в том случае, если случится какое-либо несчастье с